

**«ГРЕЗЫ ДУХОВИДЦА»: ВОЛЬФ КАК СВЕДЕНБОРГ
МЕТАФИЗИКИ**

Будучи одним из наиболее странных и неоднозначных сочинений И. Канта, «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (1766) представляют в то же время точку радикального переосмысления немецким мыслителем цели и задач метафизики в рамках т. н. докритического периода его творчества. Такая переориентация осуществляется Кантом на базе критики им догматизма лейбнице-вольфовской философии, безраздельно властвовавшей в немецких университетах тех лет.

Основатель этой философской школы, Хр. Вольф, осуществил своеобразную попытку представить философию Лейбница облеченной в строгую форму демонстративного метода и к тому же представленной в немецкоязычном изложении. Вместе с тем, стремясь сделать лейбницевскую философию как можно более удобной для преподавания и усвоения, Вольф зачастую искажал учение Лейбница, упуская многие наиболее глубокие его идеи и эклектически привнося в него элементы других систем (Декарта, Спинозы, эмпириков).

Формальным поводом к написанию кантовского сочинения стали сведения о шведском враче, мистике и духовидце Э. Сведенборге. Сведенборг претендовал на то, что посредством непосредственных контактов с миром духов ему были открыты тайны загробного мира, подлинный смысл Писания и т. д., что он и изложил в ряде своих довольно обширных работ. Однако парадоксальным образом Кант начинает «Грезы духовидца» не с критики сведенборговской картины мира, но, напротив, с постулирования возможности существования простых нематериальных сущностей (духов). Более того, далее он последовательно обосновывает возможность человека в качестве духовного существа вступать в разнообразные формы коммуникации с миром этих существ, причем делает это, преимущественно опираясь на методологию лейбнице-вольфовской школы. Тут и раскрывается подлинный смысл такого хода кантовских рассуждений: демонстрация возможности с помощью метафизики Вольфа обосновать самые невероятные фантазии выявляет совершенную необоснованность самой этой метафизики, ее принципиальную беспочвенность. Тем самым происходит своеобразное уравнивание Вольфа и Сведенборга, метафизика и духовидца. Для духовидцев это – непосредственный мистический опыт, источник которого, по Канту, – в простом обмане чувств, почему мыслитель и объявляет подобного рода сновидцев чувства кандидатами на лечение в больнице. В противоположность им, источник заблуждения метафизиков – неправильное применение собственного разума, которое, однако, приводит к практически таким же последствиям.

Опираясь на Аристотеля, Кант говорит о том, что «если различные люди имеют каждый свой собственный мир, то есть основание предполагать, что они грезят» [1, с. 320]. С этой точки зрения метафизики оказываются такими же сновидцами, как и вступающие в контакт с духами мистики. Однако такая ситуация, согласно Канту, должна будет в скором времени измениться, в результате чего все догматические философы, наконец, проснутся от своих метафизических грез. Тем самым раскрывается еще одна – более высокая – цель кантовского сочинения. Последовательная дискредитация им метафизики сверхчувственного (на примере Вольфа) неизбежно приводит мыслителя к идее радикальной реформы философского знания. Отныне метафизика должна будет стать наукой о границах человеческого разума, той «вяжущей силой самопознания» [1, с. 349], которая, тематизируя отношение предметов к человеческому рассудку, становится судьей собственного метода и подлинной спутницей мудрости.

Однако такое точное определение границ нашей познавательной способности требует, в свою очередь, тщательного исследования самой этой познавательной способности, посредством чего, по сути уже закладывается основная проблематика, предопределившая всю последующую эволюцию философских взглядов И. Канта и получившая свое окончательное разрешение уже только в «Критике чистого разума».

Литература

1. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики // Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1964.